

Посвящается Зоуи, Джордану и Такоде

Благодарности

Для завершения этой книги мне потребовалась помощь очень многих людей, но несколько я хотела бы выразить признательность особо. Движущей силой и этого проекта, и многих других моих начинаний выступил Дэвид Дер-вэй Ван, чьи безграничная поддержка и наставничество помогли мне на протяжении всей моей учебы и профессиональной карьеры. Ван Сяомин, организовавший великодушный прием во время двух исследовательских отпусков в Центре современных культурных исследований Шанхайского университета, вдохновлял эту книгу своим пронзительным кураторством и страстным интересом к социальным изменениям. Важную роль на всех стадиях моего исследования играло и кураторство, которое обеспечивал Чэнь Сяомин из Пекинского университета. Существенной помощью в процессе написания книги также оказались критические замечания, сделанные Джудит Фаркхар, Уильямом Олмстедом, Сандрой Виссер и Стефеном Уэстином.

Американскому совету научных обществ я признательна за поддержку в виде премии «Американские исследования в области гуманитарных наук в Китае». Моя особая благодарность Сандре Брэдли и Чжу Шаньцзе за исключительно грамотную помощь в навигации для приглашенных ученых. Дополнительную поддержку моему исследованию оказали ряд программ Университета Северной Каролины в Чапел-Хилл, таких как Пресвитерианская стипендиальная инициатива Гриера/Вудса в области китаеведения под управлением Азиатского центра Каролины, и академический исследовательский отпуск, предоставленный Колледжем гуманитарных и естественных наук и Отделением азиатских исследований. Средства на летние исследования мне великодушно предо-

ставил Университет Вальпараисо. Покрытию моих расходов также способствовали издательский грант от Исследовательского совета Университета Северной Каролины и его же грант на научные публикации, художественные выставки и перформансы.

Благодарю за содействие Дж. Рейнолдса Смита, Шэрон Торриан и команду издательства Duke University Press. Выражаю признательность и корректорам рукописи, имена которых остались для меня неизвестными, в особенности одному из них — кажется, неутомимому работнику, — чьи щедрые рекомендации оказались бесценными. Организовать работу над книгой мне помогли мои первые учителя современной китайской литературы Сяобин Тан и Говард Голдблатт, а за помощь на ключевых стадиях процесса я в долгу перед другими моими наставниками, среди которых заслуживают особого упоминания Ган Юэ, Джудит Фаркхар, Урсула Хайзе и Дэвид Энг. Помимо многих упомянутых в этой книге китайских ученых, художников и специалистов, которые любезно согласились ответить на мои вопросы, в мой поименный список благодарностей входят Дэниел Абрамсон, Сахар Амер, Джен Бардсли, Йоми Брестер, Томас Дж. Кампанелла, Линчэй Летти Чэнь, Клэр Консейсон, Пайпер Гобац, Эми Голдмен, Джеймс Хевиа, Роберт Хаймс, Томас Д. Кеннеди, Д. Сабина Найт, Хейли Конг, Чарльз Лафлин, Цзяньмэй Лю, Цзе Лу, Ло Ган, Бонни Макдугалл, Ни Вэньцзянь, Дэвид Майкл Оуэнс, Марк Швен, Янь Сун, Майна Чой Тенисон, Майкл Тсин, У Хун, Сюэ И, Инь Лию. Каждый из этих прекрасных наставников, ученых и друзей внес — пусть даже неосознанно — свою лепту в этот проект.

Наконец, слов моей глубочайшей благодарности заслуживает Такода Лэй Жэнь, Джордан Шань Жэнь и Зоуи Ан Жэнь.

Введение

Города окружают деревни

Председатель Мао творчески заложил генеральную линию и общую политику новой демократической революции, основал Народно-освободительную армию Китая и указал, что захват политической власти при помощи вооруженной силы в Китае должен осуществляться посредством создания плацдармов в сельской местности — с тем, чтобы использовать деревню для окружения и последующего захвата городов; именно так, и никак иначе.

Из текста официального сообщения Пекина о смерти председателя Мао, опубликованного агентством «Синьхуа» 10 сентября 1976 года

Последние три десятилетия истории Китая бесповоротно отменили наказ Мао об окружении городов деревнями. Хотя в 1978 году экономические реформы Дэн Сяопина начались именно в сельской местности с введения системы семейных подрядов, после образования в 1980 году первых особых экономических зон политический акцент стал смещаться в сторону развития городов. Ныне урбанизация доминирует в Китае как в демографическом, так и в идеологическом плане. К исследованию постсоциалистической урбанистической эстетики меня впервые подтолкнул простой вопрос: что происходит с культурой, когда представители цивилизации, исторически ориентированной на сельское хозяйство, начинают отождествлять себя в первую очередь с городом? На протяжении нескольких тысячелетий доля сельского населения в Китае оставалась на уровне примерно 90 %, китайские поэты воспевали счастье удаления в деревен-

Илл. 1. На смену деревенским формам расселения в Китае приходят небоскребы. В районе Шанхая Пудун некогда располагались сельскохозяйственные земли. Фото публикуется с разрешения Мэрилин Ши

ские обители, а для китайской культуры была характерна «привязанность к почве». Однако и эта почва, и ценности, которые с ней ассоциируются, стремительно трансформируются. Характерное для Модерна противопоставление городского и сельского — наследие империализма XIX века — в постсоциалистическом глобальном окружении быстро обретает новую конфигурацию. Капиталистический город, который при Мао разоблачался как паразитическое образование, не соответствующее нормам традиционной китайской этики, теперь функционирует в Китае как место индивидуальной и коллективной идентичности.

Обратимся, собственно, к почве. На основании принятого в 1990 году решения центральных властей Китая о застройке района Пудун малонаселенные сельскохозяйственные земли на

Илл. 2. Деревня Хун в провинции Аньхой, 2005 год. Фото автора

востоке Шанхая превратились в урбанизированную зону, которая в семь раз превышает по площади старый город Пуси. Аналогичным образом произошло концентрическое разбухание Пекина. Сначала, в 1980-х годах, по периметру бывших городских стен была построена Вторая кольцевая автодорога, к настоящему моменту завершена Шестая кольцевая магистраль, и градостроители даже предложили уже седьмую — которая выйдет за границы города и не только свяжет очень отдаленные районы и городские поселения, но и проляжет по территории соседних провинций и крупных городов. По всему Китаю му-

ниципальные чиновники, проталкивающие чрезвычайно выгодные девелоперские проекты, обманом, при помощи административного ресурса или силой конфискуют сельские земли, в результате чего за последнее десятилетие свои участки потеряли десятки миллионов крестьян. Как утверждает Цинь Хуэй, ведущий авторитетный специалист по сельскому Китаю, «если власти хотят забрать землю, они так или иначе смогут сделать это по первому требованию. Крестьяне зачастую не только не получают выгод от процесса урбанизации — но оказываются проигравшими»¹.

Теперь обратимся к культуре. Хотя некоторые ученые, утверждаящие, что мы можем «попрощаться с крестьянским Китаем», вероятно, преувеличивают масштаб китайской урбанизации, нет сомнения, что города все больше охватывают сельскую местность, причем не только географически и демографически (в 2005 году уровень урбанизации составлял 40 %), но и в смысле культурного влияния². В 1994 году географ Кам Вин Чань, на протяжении нескольких десятилетий изучавший урбанизацию в Китае, дал следующий оказавшийся точным прогноз:

Если в ближайшие десятилетия ежегодный темп роста городского населения сохранится на таком же уровне, как в 1980-е годы, то есть 4–5 %, то примерно к 2010 году доля городского населения Китая достигнет 50 %. Менее чем за одно поколение Китай превратится в преимущественно урбанизированное общество как в демографическом смысле, так и с точки зрения занятости населения. Эти изменения будут иметь глубокие последствия не только для образа жизни большинства китайцев и способа организации ки-

¹ Jim Yardley. Farmers Being Moved aside by China's Real Estate Boom // New York Times. 8 December 2004.

² См., например, материалы коллективной работы [Gulden 2001]. Согласно пятой национальной переписи населения 2000 года, уровень урбанизации в Китае увеличился с 12 % в 1952 году до 17 % в 1978 году, 30 % в 1996 году и 36 % в 2000 году (данные приводятся в работе [Zhang Li 2004: 4]). Согласно оценке Всемирного банка 2004 года, доля городского населения Китая составляла 39 %.

тайского общества — еще одним результатом подобной титанической трансформации станет появление принципиально иного измерения в глобальной политической экономике будущего [Chan 1994b: 273].

Образ жизни «большинства китайцев» претерпевает фундаментальную трансформацию, поскольку урбанизация воздействует даже на повседневную жизнь в сельской местности.

Например, в упомянутом выше этнографическом исследовании продемонстрировано, что новые проекты сельского жилья, на которые оказывает прямое влияние близость к городским рынкам, радикально меняют жизнь в деревне, способствуя автономии, расширению индивидуальных прав и стандартов приватности молодежи, заодно подрывая патриархальные иерархии³. Отчасти культурные эффекты проистекают из структурных изменений в управлении, именуемых термином *шидайсянь*, буквально означающим «города, ведущие за собой округа». Программа с таким названием была впервые временно задействована в 1950-е годы, а затем она была вновь введена в 1983 году с целью экономического демонтажа практики противопоставления города и села. Упразднение таких административных единиц, как префектуры⁴, и передача подчиненных им округов под начало городов предполагали «открытое утверждение лидерства города в ознаменовании — впервые в китайской истории — вступления в эпоху регионального развития под руководством городов» [Zhu Jieming 1999: 30]. Несмотря на то что в XX веке урбанизация

³ См. [Yan Yunxiang 2004], в особенности гл. 5 «Пространство дома и запрос на приватность».

⁴ В административно-территориальном делении Китая префектуры занимали промежуточное место между провинцией и округом, однако в Конституции КНР этот уровень управления, сохранявшийся со времен империи Цин и Китайской Республики, не упоминается. В 1990-х годах функции префектур в основном оттянули на себя города, получившие статус «городов уровня префектур», под управлением которых оказались близлежащие округа. На 2010 год в Китае оставалось всего семь префектур, а городов уровня префектур насчитывалось около 300. — *Примеч. пер.*

Китая имела ограниченный характер, в XXI столетии страна движется по этому пути на всех парах⁵.

Устойчивый экономический, идеологический, демографический и материальный приоритет города — это по любым меркам очень недавняя тенденция для Китая. В этой книге я обращаюсь к рассмотрению того, каким образом трансформация китайских городов в течение последних трех десятилетий влияет на воображение в культуре, проявляясь в художественной литературе, кино, изобразительном искусстве, архитектуре и градостроительном проектировании. Следуя интерпретации эстетики у Г. Дебора как новых способов видения и восприятия мира, понятие «урбанистическая эстетика» указывает на то, каким образом город предстает в воображении, переживается в опыте и подвергается оценке. Исходя из той предпосылки, что урбанизованная среда является не автономной сферой, а экономическим и социальным полем с важными политическими производными, я обращаюсь к рассмотрению того, как эстетика городской среды формирует эмоции и поведение отдельных людей и целых культур — и как урбанистическую эстетику порождают индивидуальные и коллективные городские образы и практики (вне зависимости от того, сознательно или бессознательно они организованы). Опираясь на междисциплинарный инструментарий

⁵ Как утверждает Ли Чжан, даже в постсоциалистический период урбанизацию продолжают сдерживать системные характеристики Китая, в особенности государственный уклон в развитии страны. В исследованиях Чаня показано, что при социализме уровень урбанизации в Китае задавался приростом городского населения в среднем на 4,3 % в год, что сопоставимо с другими развивающимися странами. Однако Чжан и другие авторы настаивают, что данный уровень соответствует «ограниченной урбанизации» в том смысле, что промышленное производство Китая в указанный период превышало темпы урбанизации, которые, как правило, связаны с масштабами промышленного выпуска. Сравнивая урбанизацию в Китае в 2000 году с урбанизацией в других социалистических странах, развивающихся странах и всех странах в целом, Чань приходит к выводу, что даже в этот момент уровень урбанизации в Китае находился на 14–16 % ниже в сравнении с тремя указанными группами стран. См. [Chan, Xu 1985; Chan 1994a; Chan 1994b; Zhang Li 2004, в особенности 5, 11].

урбанистических исследований, теорию литературы и теорию культуры, а также полевые исследования (эмпирические наблюдения и интервью), я помещаю постсоциалистическую урбанистическую эстетику в широкие экономические, исторические, идеологические и материальные контексты. Мой метод исследования урбанистического воображения предполагает, что сначала мы проанализируем его общие проявления в постсоциалистическом градостроительстве, экономике и критических исследованиях, а затем будем интерпретировать его отдельные воплощения в произведениях художественной литературы, кинематографа и изобразительного искусства.

В этом исследовании не будут затронуты такие населенные китайцами города, как Тайбэй, Гонконг и Сингапур. Помимо практической необходимости ограничить масштаб рассмотрения заявленных тем, теоретическим лейтмотивом моего анализа выступает исследование той культурной ауры (*ethos*), которая была сформирована капиталистической трансформацией города, пришедшей на смену социалистической версии модерна (*modernity*). Как указывает Сюйдун Чжан, в 1990-х годах своим основным динамизмом общественная и интеллектуальная жизнь в Китайской Народной Республике (КНР) была обязана новым социальным и властным отношениям, порожденным рыночной экономикой, которую инициировала и администрировала государственная бюрократия [Zhang Xudong 2001a: 8]⁶. Социалистические принципы и умонастроения не только формируют историческую основу для урбанизации в КНР — они еще и по-прежнему отчасти задают направление ее текущих процессов и политических решений. Характерным образцом гибридного состояния многих послереформенных⁷ секторов в Китае служит сочетание риторик социализма, рынка и глобализации, задающих направление для

⁶ См. также выводы, к которым приходит К.-Б. Фрэнсис [Francis 1996].

⁷ Здесь и далее этим термином автор обозначает период после экономических реформ, ассоциирующихся с именем Дэн Сяопина, которые состоялись в 1978–1989 годах. Стоит также отметить, что автор относит годы реформ Дэна уже к постсоциалистическому периоду истории Китая. — *Примеч. пер.*

Движения за новое жилье, которое позиционирует себя как «кооперативная сеть городского рынка жилищного строительства», но при этом использует для самомобилизации социалистическую организационную форму «движения» (*юньдун*)⁸. Появляющаяся в подобных условиях урбанистическая эстетика зачастую порождает отчетливую психическую лакуну, некую апорию, возникающую из скрещивания риторики социалистической монументальности с повседневной аурой культуры консюмеризма.

Моя книга состоит из трех частей — такая структура позволяет развернуть основные эпистемологические парадигмы, направляющие исследование культуры постсоциалистического города. В первой части я рассматриваю то, что А. Лефевр называл «городским вопросом» позднего капитализма, в двух аспектах: как этот вопрос формулируется урбанистами-теоретиками и как он решается носителями различных городских практик и интеллектуалами. Предметом моего особого интереса станет ход развития неолиберальной глобализации в процессе создания нового китайского города, в стимулировании критики городского консюмеризма писателями и художниками, а также в допущении альтернативных интеллектуальных стратегий в академической среде. Как и Лефевр, многие китайские интеллектуалы особенно критично настроены по отношению к тому, каким образом глобальные капиталисты используют рациональность Просвещения для оправдания пространственных захватов. Эти интеллектуалы обладают особенно выгодными возможностями для противодействия темам, сформулированным в рамках неолиберального дискурса и девелопменталистских стратегий. Отчасти это происходит потому, что стремление Китая к модерну с самого начала формировалось историческим контекстом империалистической экспансии и кризиса капитализма. Наследие социалистического эгалитаризма в массовом сознании в сочетании с нарастающим

⁸ Движение за новое жилье было основано в 1999 году для разработки креативных стратегий развития муниципалитетов, а его кульминацией стала публикация материалов международной конференции, состоявшейся в Шанхае в июне 2000 года [Dan Xiaohai, Zhu Chengjun 2001].

влиянием встроенного в рынок активизма начинает разворачивать вспять ту волну огульного уничтожения окружающей среды и культурного наследия, которая была характерна для первых двух десятилетий развития постсоциалистического города. Феномен ориентированных на проблемы общества художников и интеллектуалов, разворачивающих социальную критику при помощи коммерческих акций, сам по себе является основополагающим для новой эстетики городской культуры, влияющей на управление городом. Поскольку городское развитие имеет первоочередное значение для проблематики глобальной устойчивости, китайские интеллектуальные исследования уже выходят за рамки сбережения нации (*цзюго*), нацеливаясь на защиту всей планеты от нынешней несостоятельной версии девелопментализма.

Во второй части мы рассмотрим, каким образом город как феномен и отдельно взятые города присутствуют в воображении современной культуры, поскольку эстетические изображения зачастую противоречат тем представлениям, которые дают социологи или географы-урбанисты. Например, такой исследователь, как П. Нокс, утверждает, что глобальные города имеют больше общего друг с другом, нежели с характерными особенностями того государства, на территории которого они находятся, тогда как писательница Ван Аньи в своем литературном воплощении Шанхая противопоставляет этот город не другим глобальным городам, а Пекину с его доминантной, маскулинной и политизированной культурой. Еще один такой же пример: хотя географы, скажем, В. Сит, утверждают, что характерное для последних лет развитие Пекина как глобального города, находящегося в центре финансовых и корпоративных решений, соответствует его традиционной роли национального центра коммуникаций и контроля, в подобных оценках не удастся полностью учесть то воздействие, которое в градостроительстве приобретает именно капитал, а не политический символизм. Пекинские писатели, режиссеры и художники изображают руины, которые оставляет за собой освоение территорий, и выступают против коммерческой эксплуатации традиционной культуры, но в то же самое время присваивают рыночные механизмы в собственных целях. Хотя

города по-прежнему рассматриваются теоретиками в качестве пространств культурной глобализации, где исчезают конкретное место с его спецификой и сообщество, для большинства городов характерна не столько гомогенность, сколько неравномерность распределения мест, к которым прикреплены конкретные социальные, политические и пространственные проекты. Сильно отличающиеся друг от друга эстетики двух главных китайских городов — Пекина как пространства осуществления идентичности и Шанхая как пространства, предназначенного для потребления, — возникают из отчетливо локальных урбанистических сюжетов и пространственных форм, порождающих уникальные культурные идентичности. Например, урбанистическая эстетика, культивируемая интернет-литературой (*ванло вэнь сюэ*) — к последней относятся традиционные художественные произведения, загруженные в киберпространство, и такие основанные на современных технологиях письменные артефакты, как насыщенные гиперссылками статьи и написанные специально для размещения в интернете материалы, — потворствует распространенным по всей стране воображаемым представлениям о *сяоцзы* — «мелкобуржуазном» городском потребителе⁹. В то же время использование местных диалектов и характерных для отдельных регионов слов в сетевой рэп-музыке, блогах и литературе по-прежнему активизирует локальные городские идентичности.

Помимо рассмотрения культурного производства, которое характеризует город как субъект, я проанализирую работы, где изображается субъект внутри города. В третьей части книги с опорой на социологию города, психоаналитическую теорию и философию будет предпринято исследование того, как городское пространство производит различные виды городской субъективности — и само производится ими. В художественной литературе конца 1990-х годов городская субъективность тесно ассоциируется с постоянным движением масс в мегаполисах, с различными примерами сноса и реконструкции городов, с изменением экономических конфигураций и внедрением новых

⁹ См. [Li Gan et al. 2004].

технологий в транспорте, коммуникациях и социализации. В стремительно трансформирующемся мегаполисе «прогулка по городу», щедро разрекламированная М. де Серто, становится для некоторых не столько упражнением в притязании на пространство, сколько гендерно окрашенным опытом порождающей меланхолию утраты. Постоянно присутствующая метафора «полета» в одних произведениях пробуждает ощущение захватывающей дух свободы и самостоятельности, а в других — безжалостной скорости и неприкаянной дезориентации. Падающее влияние рабочих единиц (*даньвэев*)¹⁰ и местных квартальных комитетов (*цзедэо баньшичу*) — тех социалистических организационных механизмов, которые некогда охватывали почти все формы городской жизни, — провоцировало масштабное осмысление автономии, поскольку горожане стали принимать самостоятельные решения относительно источников средств к существованию и образа жизни. В литературных произведениях 1990-х годов уделяется особое внимание возникновению морального субъекта и новых общественных форм, поскольку логика рыночного пространства вытесняет предшествующие этические и регуляторные парадигмы. Соответствующие сюжеты обращаются к этике рыночного утилитаризма, возникшей вслед за радикальной деконструкцией морального диктата конфуцианства, просвещенческого движения Четвертого мая¹¹ и маоистского социализма.

¹⁰ В период маоизма китайские власти попытались создать в городах специфическую форму коммунальной жизни (*даньвэй*), предполагавшую объединение трудовых и бытовых функций. В каждом *даньвэе*, связанном с отдельным предприятием, создавалось собственное жилье, столовые, образовательные и медицинские учреждения, магазины и т. д. Жизнь в *даньвэе* была предельно зарегулирована: фактически горожане прикреплялись к территории с минимальным уровнем приватности. — *Примеч. пер.*

¹¹ Общественное движение, возникшее в мае 1919 года в качестве реакции на решение Парижской мирной конференции не возвращать Китаю захваченные Японией бывшие германские концессии в провинции Шаньдун. В дальнейшем это движение стало ассоциироваться с масштабными задачами модернизации китайского общества, включая расширение функционирования разговорного языка (*байхуа*), отказ от конфуцианских этических норм, реформу образования и т. д. — *Примеч. пер.*

Конец XX века оказался переходным периодом, для которого были характерны постреволюционная антиутопия и городская амбивалентность, сигнализирующие об остаточных отождествлениях с сельскими формами социальной организации.

В прошлом десятилетии представители социальных наук, историки и географы выполнили впечатляющий корпус подробных англоязычных исследований по экономике, социологии, планированию, архитектуре и жилищным реформам в новом китайском городе¹². Я же задаю этим историческим и социологическим работам эстетическое измерение. Мой подход отчасти направляется междисциплинарными методологиями исследований на китайском языке, которые дают более широкую характеристику городской культуры¹³. В рамках растущего объема англоязычных исследований городской литературы, кино и изобразительного искусства Китая моя работа стоит особняком благодаря пристальному вниманию к антропогенной среде: я предлагаю тщательный анализ культурного производства в соотношении с новыми материальными, экономическими, интеллектуальными

¹² К наиболее значимым из этих исследований относятся следующие работы: [Sit 1995; Davis D. et al. 1995; Yusuf, Wu 1997; Zhu Jieming 1999; Davis D. 2000; Tang, Parish 2000; Chen N. et al. 2001; Lü Junhua et al. 2001; Rowe, Seng 2002; Logan 2002; Logan 2008; Chen A. et al. 2004; Broudehoux 2004; Friedmann 2005; Bray 2005]; см. также работы под редакцией Фулуна У [Wu Fulong 2005; Wu Fulong 2007a], работы [Wu Fulong et al. 2007; Campanella 2008].

¹³ Например, в интеллектуальном бестселлере Ян Дунпина «Городские пертурбации» («*Чэньши цзифэн*») [Yang Dongping 2006] СМИ, кино и литература рассматриваются в контексте изменений городской культуры. Ли Цзефэй выполнил великолепное исследование городской литературы 1990-х годов «Городской каркас» («*Чэньши сянкуан*») [Li Jiefei 1999]. Ли Тяньган в своей информативной работе по истории культуры «Культурный Шанхай: пространство для граждан в городе» («*Жэньвэнь Шанхай*») [Li Tiangang 2004] подробно описывает формирование гражданского общества в этом городе. Завоевавшая признание работа Лю Синьюя «Документальный Китай: новое документальное движение в современном Китае» («*Цзилу Чжунго*») [Lü Xinyu 2003] представляет собой первую полноценную книгу на указанную тему. Все больше книг критикуют градостроительные практики с гуманистической точки зрения и в разрезе социального планирования — в качестве одного из примеров можно привести работу Юй Кунчжи и Ли Дихуа «Путь к городской ландшафту» («*Чэньши цзингуань чжилу*») [Yu, Li 2003].

и психическими формами организации постсоциалистического города¹⁴. Целью этого исследования является расположение урбанистической эстетики постсоциалистического Китая в рамках взаимосвязи локальных и глобальных экономических и интеллектуальных трендов, которые в более общем смысле влияют на литературные, культурные и урбанистические исследования. Например, появление культурных исследований в китайских университетах будет рассмотрено в качестве одной из форм урбанистической эстетики, хотя город попадает в фокус лишь немногих китайских критических исследований¹⁵.

На пользу нам может прийти исторический обзор меняющихся коннотаций, связанных с городом, в культурном воображении современного Китая. Возможно, наиболее примечательное культурное изменение, порожденное новыми отождествлениями с городскими рыночными ценностями, соотносится с уникальным китайским опытом модерна, в особенности с тем опытом, который определяется вездесущим вопросом: куда идет Китай? Этот вопрос, одолевавший китайских интеллектуалов начиная с середины XIX века, в ближайшем будущем может легко утратить свою актуальность, правда, не в реальном смысле — в эпистемологическом аспекте вопрос о судьбе Китая важен как никогда, — а в смысле некой философской герменевтики, направляющей повседневную жизнь. Рассмотрим один небольшой, но красноречивый пример: поведение звезды легкой атлетики Лю Сяна на Олимпиаде 2004 года после каждого квалификационного раунда соревнований по бегу с барьерами на 110 метров. В китайских СМИ звучали намеки на то, что этому уроженцу Шанхая может непросто даваться путь к первой для азиатских спортсменов олимпийской медали в беге на короткие дистанции, однако Лю легко опроверг эти инсинуации. Вместо того чтобы демонстрировать осторожный оптимизм по поводу своего успеха в квали-

¹⁴ См., например, работы [Hockx, Strauss 2005; Laughlin 2005; Zhang Zhen 2007; Lu Jie 2008; Lu Sheldon Xiao-peng 2007; McGrath 2008].

¹⁵ К наиболее значительным из этих работ относятся: ; Xu Ben 1999a; Tong 2000; Zhang Xudong 1997; Zhang Xudong 2008; Zhang Xudong 2001; Davies 2001; Wang Hui 2003b; Gu, Goldman 2004].

Илл. 3. Туристы фотографируются на фоне олимпийских объектов, испытывая гордость за то, что китайцы стоят вровень с другими нациями. Пекин, 2008 год. Фото автора

фикационных соревнованиях, Лю излучал жизнерадостную уверенность. Его стремление к победе, несомненно, патриотично, но, как и для многих представителей его поколения, в одинаковой степени определяется желанием достичь персонального успеха и добыть славу для своей страны. Еще одним примером подобного космополитизма выступает 29-летний уроженец Пекина Ван Лян, прима-гобоист Нью-Йоркской филармонии, который был по-настоящему шокирован, узнав, что люди сперва видят в нем китайца и только потом музыканта: «Вот что непонятно: почему это должно иметь значение? Когда я смотрю в зеркало, я вижу там китайского парня, но в музыке я гражданин мира»¹⁶. Ощущение принадлежности к современности — само собой разумеющееся качество, встроенное в повседневное мышление и поведение, — присутствует у многих молодых китайских горожан. Характеристика, которую давал Китаю Маркс, — «больной человек

¹⁶ Цит. в: Wakin. Pilgrim with an Oboe, Citizen of the World // New York Times. 8 April 2007.

Азии» — больше не работает. На место шизофренического комплекса неполноценности-превосходства, характерным образцом которого является изображение китайского национального характера в романе «Подлинная история А-Кью» в романе знаменитого писателя Лу Синя, приходит преобладающее ощущение того, что китайцы являются участниками глобального сообщества современных горожан и стоят вровень с другими нациями и культурами. Это не означает, что национализм в КНР идет на убыль — это далеко не так, — речь идет о том, что валентности национализма трансформируются в соотношении с альтернативными нарративами идентичности.

Сегодняшний Китай является гибридным обществом, в котором традиционные сельскохозяйственные практики сосуществуют с постиндустриальными городами, координирующими производство и потребление в мировом масштабе, обществом, где государственные учреждения и частные предприятия функционируют рука об руку в большинстве секторов и регионов. У пожилых китайцев, по большей части проживших в условиях господствующей ментальности «родной почвы» (*сянтун*), пространственные, социальные, экономические и политические мутации в их городах вызывают смешанное ощущение восхищения и враждебности. Следующее высказывание литературного критика Ли Цзефэя, обращающегося к непредвиденному «подъему [собственного] городского сознания» в 1990-х годах, можно рассматривать как выражение опыта многих людей:

В своей жизни я не знал ничего за пределами города, но это не означает, что я знал город. Этот момент меня смущал, и я стал задумываться о нем. Городу не удалось вдохновить меня даже в восьмидесятых, но я никогда не давал ход этой мысли. На протяжении нескольких лет у меня попросту не было стимула для осмысления города. Обратившись к этой теме, я осознал, что единственные мои впечатления от «города» были сформированы просмотром фильмов, действие которых происходит в Нью-Йорке, Риме, Лондоне, Токио или Гонконге. Но в 1993–1994 годах я внезапно оказался заворочен урбанистическим пространством. Я стал

уделять внимание городскому ландшафту и городским событиям. Точнее сказать, это город начал меняться таким образом, что мне *пришлось* заметить все эти вещи. Тенденции в литературе второй половины девяностых как будто подкрепляли мои наблюдения. Вероятно, 80–90 % всех новых книг, написанных начиная с 1995 года, посвящены теме города. Это не означает, что сельская литература вымирает, однако подлинную жизненность определенно нужно искать в литературе городской [Li Jiefei 1999: 2].

Преимущественно сельская эстетика, характерная для значительной части произведений культуры 1980-х годов, — кинематограф Пятого поколения¹⁷, почвенническая и авангардная литература, поп-арт периода после смерти Мао, — изображала главным образом не то, что именно представляло собой то или иное место, а то, что оно означало. Однако к 1990-м годам город стал полноправным субъектом, рассматриваемым без апелляции к сельским ценностям или аллегориям национального масштаба. В романе Цю Хуадун «Глаза мухи» (*«Инъянь»*, 1998) это изменение ментальности воплощено в образе одной из героинь, которая настаивает на «необходимости вернуться к нашим корням» [Qiu Huadong 1998: 250]. При этом она не ссылается на ту сельскую местность, которую воображали себе писатели и художники почвеннического толка в 1980-х годах, напротив — эта героиня, недавно перебравшаяся в столицу, приходит к выводу, что ее «корни» находятся в Пекине. Представители послереволюционного поколения, чьи личности формируются в городе, осознают себя основательно устроившимися в мегаполисе.

Отказ от метафор нации-государства — основной эстетической стратегии от периода Четвертого мая до 1980-х годов — является

¹⁷ По аналогии с поколениями китайской политической элиты такая же периодизация применяется к деятелям китайского искусства. К кинематографу Пятого поколения относится группа режиссеров из первого после Культурной революции выпуска Пекинской киноакадемии, включая такие фигуры, как Чжан Имоу, Тянь Чжуанчжуан, Чэнь Кайгэ и Чжан Цзюньчжао, чьи фильмы во второй половине 1980-х годов были удостоены престижных наград международных фестивалей. — *Примеч. пер.*

ключевым аспектом постсоциалистической урбанистической эстетики¹⁸. Для понимания значимости радикального *отсутствия* метафор нации-государства в анализируемой мною урбанистической эстетике необходимо дать краткий обзор того, как эти образы утратили значение для культурной геополитики национальной идентичности в современном Китае. Фэй Сяотун адресовал свою работу «Сельский Китай» («*Сянту Чжунго*», 1947) — классическое описание китайского общества — предыдущему поколению горожан [Fei 1947]¹⁹. Противопоставление сельского и городского используется в ней в качестве риторического приема, позволяющего городским читателям понять свои культурные корни — уже давно отсеченные. Фэй характеризует принципиальные аспекты китайского общества в соотношении с его уникально сельскими особенностями и в противопоставлении западной культуре, где ставится знак равенства между цивилизацией и мегаполисом. Хотя этот контраст в работе Фэй преувеличен, историки культуры давно указывают на этимологические различия между западным и китайским представлениями о городе (*city*). Английское слово *city* образовано от латинского *civitas* (город-государство), которое тесно ассоциируется с понятием «цивилизация», тогда как английское слово *country*, обозначающее сельскую местность, образовано от латинского *contra* (против, противоположная сторона), обозначающего территорию, которая не находится в поле зрения наблюдателя. В древнем Китае к западному пониманию города (*city*) было наиболее близко слово *go* — обнесенное стенами место, где располагался город — резиденция феодального владения при ранней династии Чжоу. Как указывает Ф. Моут, несмотря на то, что огороженный стенами город мог выступать форпостом цивилизации, поскольку он представлял собой остров, окруженный

¹⁸ Одним из первых авторов, кто теоретически осмыслил этот момент применительно к художественной литературе, был Чжан Иу. См. [Zhang Yiwu 1992: 184].

¹⁹ В английском переводе книга выходила под названием *From the Soil: The Foundations of Chinese Society* («От сохи: основания китайского общества») [Fei 1992].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru